

он больше, чем просто поверхность, чем просто картинка, красивая данность. Он — результат работы души художника. Тогда-то и пейзаж не просто многопланов, что, в конце концов, всего лишь достоинство фоторемесла, а многослоен. Многослойность проявляется в показе эмоций, а эмоции не бывают однослойными при созерцании пейзажа.

Итак, прежде чем быть снятым, пейзаж должен тебя остановить. Поначалу мир пейзажа предстает перед фотографом как бесконечный цитатник. Вот это уже было у Левитана, это — у Куинджи, это — у Шишкина. Поэтому понятно желание фотографа выправить объект: передвинуть скалу, переставить дерево, переместить реку. Такое своеволие возникает из предубеждения, что композиция фотографии не просто подчиняется своим извечным законам, а как бы тянет за собой содержание. Конечно, композиция и содержание — нераздельны, но одновременно и неслиянны. Линии композиции — это тайные линии, они подобны силовым линиям магнитного поля, когда их переход из виртуального пространства в зримое могут обозначить железные опилки. Странно было бы, однако, все богатство ландшафтного мира свести к каким-то опилкам. Тем не менее, чем глубже в пейзаже спрятаны композиционные параметры, тем он гармоничней и выразительней. ▶

«Пейзаж одновременно и останавливает, и указывает на то, что он больше, чем просто поверхность, чем просто картинка»

